

Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар

The Gap Between Desired and Actual Level of Families Well-Being According to the Results Sociological and Demographic Married Couples Survey

Получено 20.01.2021   Одобрено 19.02.2021   Опубликовано 19.03.2021

DOI: 10.19181/lspr.2021.17.1.9

Для цитирования: Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликowa С.В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №1. С. 121–131. DOI: 10.19181/lspr.2021.17.1.9

For citation: Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V. Gap between desired and actual level of families well-being according to the results sociological and demographic married couples survey. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021. Vol. 17. No.1. P. 121–131. DOI: 10.19181/lspr.2021.17.1.9

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ АНТОНОВ,

заведующий кафедрой, доктор философских наук, профессор; Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, кафедра социологии семьи и демографии, Москва, Российская Федерация.

ANATOLY I. ANTONOV,

Head of department, Doctor of Philosophy, professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology, Family sociology and demography department, Moscow, Russian Federation.

E-mail antonov_ai@mail.ru   elibrary Author_id 73511

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-0689-9905>   Researcher ID Q-2680-2017

ВЕРА МИХАЙЛОВНА КАРПОВА,

старший преподаватель, кандидат социологических наук; Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет, кафедра социологии семьи и демографии, Москва, Российская Федерация.

VERA M. KARPOVA,

Senior lecturer, PhD in Sociology, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology, Family sociology and demography department, Moscow, Russian Federation.

E-mail wmkarpova@yandex.ru   elibrary Author_id 541955

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-2560-6140>

СОФЬЯ ВИКТОРОВНА ЛЯЛИКОВА,

тьютор, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет, кафедра социологии семьи и демографии, Москва, Российская Федерация.

SOFIA V. LYALIKOVA,

Tutor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology, Family sociology and demography department, Moscow, Russian Federation.

E-mail lyalikova@socio.msu.ru   elibrary Author_id 955952

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-9043-8158>   Researcher ID K-4715-2018

Аннотация

В статье на основе одновременного опроса мужей и жен рассматривается соотношение между желаемым и фактическим уровнем душевого дохода семьи (наряду с жилищными условиями) в связи с социально-демографическими характеристиками супругов. Для большинства семей с тремя и более детьми характерны низкие доходы, предполагающие введение материальной компенсации в рамках социальной политики. С другой стороны, задача семейно-демографической политики состоит в повышении нынешней потребности семьи в двух детях, для чего экономического стимулирования недостаточно. В связи с этим требуются внеэкономические меры воздействия, отсюда в центре внимания анализ ценностно-мотивационных аспектов поведения, т.е. супружеских самооценок желаемого и фактического благополучия. Повышение степени разрыва между ними сначала повышает репродуктивные ориентации и реальную детность, а затем понижает их. Социально значимым является критическое значение разрыва – превышение желаемого дохода над фактическим до трёх раз, определяющее семейную направленность поведения. Учёт этого эмпирического обоснованного соотношения важен с практической точки зрения.

Ключевые слова: разрыв между фактическим и желаемым уровнем дохода, желаемое число детей, жилищные условия, социальное неравенство, расходы на питание, репродуктивные ориентации, семейно-демографическая политика

Abstract

Based on a simultaneous husbands and wives survey, the article examines the relationship between the desired and actual level of per capita family income (along with housing conditions) in connection with the spouses' socio-demographic characteristics. Most families with three and more children are characterized by low incomes, which require the introduction of material compensation as part of social policy. On the other hand, the task of family and demographic policy is to increase the current family need for two children, for which economic incentives are not enough. In this regard, non-economic measures of influence are required; hence, the focus is on the analysis of value-motivational aspects of behavior, that is spousal self-assessment of desired and actual well-being. An increase in the degree of the gap between them first increases reproductive orientations and actual childbearing, and then lowers them. Socially significant is the critical value of the gap - the excess of the desired income over the actual up to three times, which determines the orientation of family behavior. Taking into account this empirical, well-grounded relationship is important from a practical point of view.

Keywords: gap between the actual and the desired level of income, desired number of children, housing conditions, social inequality, food costs, reproductive orientation, family-demographic policy

Введение

Статья не преследует цель изучения экономического воздействия на семейно-демографические процессы и посвящена рассмотрению одного из важных аспектов диспозиционной регуляции семейного поведения на базе выборочного опроса супругов, осуществлённого в 2019 году. Кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ с середины 90-х годов регулярно проводит выборочные социологические исследования семьи и рождаемости в целях получения эмпирических данных обо всех элементах структуры репродуктивного поведения семьи и личности, и прежде всего, о движущей силе поведения – потребности в детях, измеряемой посредством показателей репродуктивных установок и ориентаций. Именно снижение установок детности и межпоколенное ослабление потребности в детях с конца 60-х гг. привело к режиму суженного воспроизводства населения, который постепенно сокращал потенциал демографического роста вплоть до 1992 года – начала депопуляции.

Период “шоковой терапии” и действительного падения уровня жизни сказался на масштабном блокировании имеющихся репродуктивных установок. Вследствие этого в общественном мнении возник мощный стереотип “помех”, объявивший причиной ежегодно растущей убыли населения крах материального благополучия. Влияние этого стереотипа было заметно в научных дискуссиях и в популярных дебатах о “плохой демографии” и о мерах по исправлению сложившегося положения. Особую остроту этой полемике придавали противоположно интерпретируемые факты обратной связи между рождаемостью и достатком. Лишь привлечение поведенческого подхода к анализу детерминации семейности позволило объяснить нормальную, а вовсе не парадоксальную, как казалось, связь материальных условий жизни и числа рождений в семье [Борисов В.А., 2007, 655–682, 123–147].

При одинаковой потребности семей в двух детях более полная её реализация будет там, где выше доход (прямая связь), но при различии уровней потребности семьи в детях число рождений выше среди тех, у кого ниже достаток (обратная связь). Важен, однако, желаемый доход, чем он больше в сравнении с фактическим (иначе говоря, чем больше разрыв между уровнем притязаний и уровнем достижений), тем меньше детность. Разумеется, рост дохода и улучшение условий жизни сопровождается опережающим ростом уровня притязаний. Но больше всего воронка между желаемым и реальным доходом среди мобильных слоев населения, к которым относятся люди разных профессий, образования, социального стату-

са, территориальной подвижности и т.д. [Архангельский В.Н., 2006, 137–145].

Дифференциация населения по уровню и образу жизни представляет интерес для социологов, экономистов и других социальных учёных. Анализ соотношения между предпочитаемым и реальным благосостоянием полной семьи призван конкретизировать относительность оценок богатства и бедности посредством социологического измерения мнений супругов. Обычное подразделение социальной структуры на три класса: высший, средний и низший дополняется введением в научный обиход понятия социального неравенства. В благополучных странах мира после 50-х гг. XX века под ним понимается «неравенство богатства», а не «неравенство бедности», относительной её границей считается 50 % среднего душевого дохода [Социальное неравенство... 2008, 13].

Если применить этот критерий не к индивидуам, а к семьям с детьми в нашей стране, то скорее всего придется говорить о неравенстве в бедности, поскольку рождение детей любой очередности срезает предыдущий душевой доход и полностью не компенсируется пособиями на детей и прочими льготами. Именно это положение дел подтверждается данными нашего опроса семей с разным числом детей. К сожалению, и чиновниками, и лидерами общественного мнения детские пособия относятся к мерам демографической политики по якобы стимулированию рождаемости, хотя они суть меры социальной политики, преследующей цель минимизации бедности. Как и любая иная политика государства социальная политика подспудно оказывает воздействие на демографические феномены и создает наряду с позитивными также и негативные последствия в демографической системе. Учёт подобных влияний с помощью данных социолого-демографических исследований практически полезен и необходим при реализации разного рода планов и реформ, и прежде всего при разработке проектов, программ и нормативных прогнозов демографического развития, которые могли бы состояться в случае активизации семейно-демографической политики в стране по увеличению уровня потребности семьи и личности в детях.

Методы исследования и эмпирическая база

В межрегиональном исследовании ценностных ориентаций супругов СеДОЖ-2019, проведённом научно-исследовательским коллективом кафедры социологии семьи и демографии МГУ в 2019 году, уделялось внимание материальному положению городских семей с разным числом детей, причём одновременный опрос мужей и жён позволил определить социальный потенциал се-

мы (в т.ч. потенциал детности) в сопоставлении с дифференциацией супругов по желаемому и фактическому доходу. В ходе исследования было опрошено 2489 респондентов (1181 супружеских пар) в возрасте от 18 до 60 лет, состоящих в зарегистрированном браке (90%) или сожительстве, имеющих (88%) и не имеющих (12%) детей. Выборочная совокупность по своим социально-демографическим характеристикам (возраст, семейное положение, число детей) соответствовала результатам микропереписи 2015 года и поэтому полученные результаты являются репрезентативными для городских семей России. В ходе анализа выяснилось, что более половины опрошенных мужей и жён работают по найму (56,2%), еще 18,2% работают «на себя», являясь либо частными предпринимателями (11,6%), либо занимаясь фрилансом (6,6%). Среди неработающих респондентов чаще всего встречаются домохозяйки (9,1%) или неработающие пенсионеры (6,3%) [Ценности семейно-детного образа жизни..., 2020].

Для осуществления характеристики уровня доходов использовались два прямых вопроса о фактическом и желаемом среднедушевом уровне дохода, а также дополнительно был задан вопрос о доле расходов семейного бюджета, направленных на питание [Carletto C., Zezza A., Banerjee R., 2013, 30–40; Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г., 2019, 61–68]. Также проводился анализ самооценки уровня благосостояния в сравнении с окружающими и анализировались жилищные условия респондентов, как косвенная характеристика их уровня благосостояния.

Среди статистических методов, продемонстрированных в данной статье следует отметить однофакторный дисперсионный анализ, который

использовался для сравнения средних значений ответов респондентов о фактическом и желаемом уровне доходов. В связи с тем, что распределение ответов о доходах не соответствовало нормальному распределению, в расчётах использовались как параметрические, так и непараметрические тесты (тест Краскелла-Уоллиса) [Sheskin D.J., 2003]. Результаты, полученные при помощи двух подходов, были сопоставимы, что подтверждает надежность выводов данной статьи. Для оценки влияния числа детей, на величину доходов был использован многофакторный дисперсионный анализ, который позволил учесть влияние возраста, как важного фактора уровня притязаний в доходах. Сравнение распределений ответов респондентов проводилось при помощи критерия Хи-квадрат, а также на основе z-тестов для сравнения долей ответивших.

Результаты исследования

Сравнение ответов по уровню фактического дохода и его самооценке показало, что занятие частным предпринимательством является экономически более выгодным, чем работа по найму: среди респондентов с уровнем дохода свыше 50 тысяч рублей и оценивающих свой доход как «выше среднего» чаще, чем в остальных группах, встречаются частные предприниматели (19,1% и 26,0% соответственно), в то время как доля работающих по найму в высокодоходных группах населения ниже, чем в среднем по выборке (53,3% и 47,5% соответственно).

Пятая часть респондентов имеет среднемесячный доход на одного члена семьи менее 20 тыс. руб., число тех, кто считает подобный уровень дохода достаточным в 8,6 раз меньше (рисунок 1).

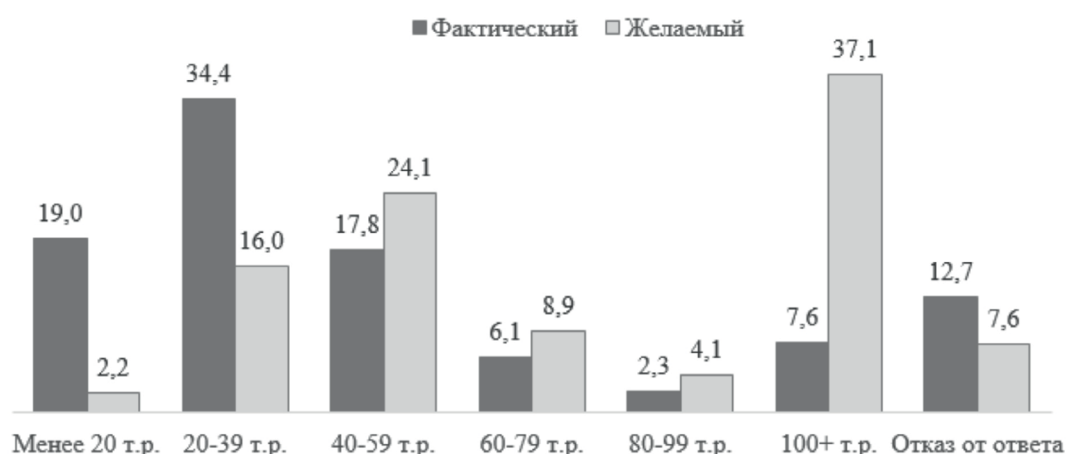

Рисунок 1. Фактический и желаемый уровень дохода, в %

Figure 1. Actual and Desired Income Level, in percent

* Ответ на вопрос: «Каков среднемесячный доход на одного члена вашей семьи?», «А какой уровень душевого дохода Вас бы вполне устроил?»

Еще треть опрошенных получают от 20 до 40 тысяч рублей на одного члена семьи, но тех, кому этого дохода было бы достаточно, почти вдвое меньше (16,0%). Граница приемлемого душевого дохода лежит в пределах 40–60 тыс. руб. и посему доход менее 30 тыс. руб. выводит за рубеж обеспеченности, тогда как психологически ощущаемой чертой бедности будет половина этой величины (что, кстати, близко к 12 тыс. руб. прожиточного минимума). Непосредственное сравнение уровня среднедушевого дохода с величиной прожиточного минимума 2019 года показывает, что при общей доле респондентов с доходами ниже прожиточного минимума, составляющей 5,2%, отмечается её рост с увеличением числа детей: до 5,6% среди тех, у кого есть один ребенок, 9,3% в семьях с двумя детьми и до 14,2% среди многодетных семей.

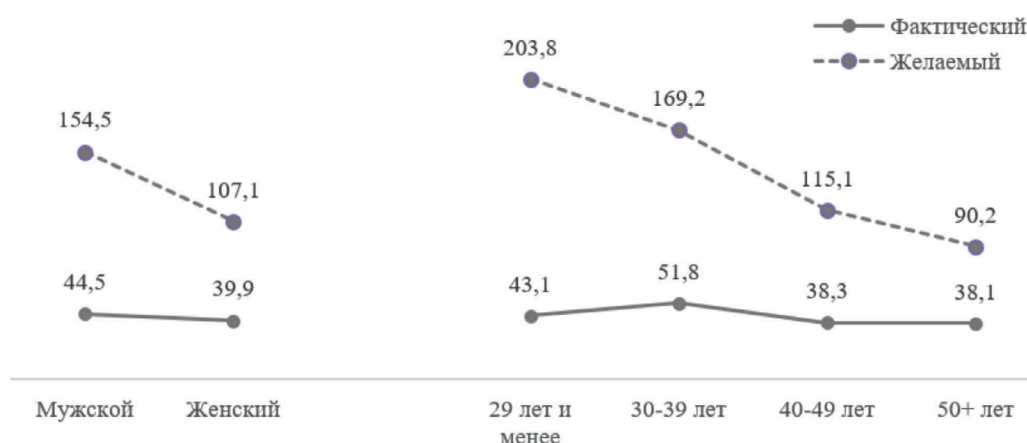
Неравенство в благополучии наблюдается среди тех, кто имеет доход в 60–80 и 80–100 тыс. руб. (не более 10%). Именно в этих группах по фактическому достатку начинает сказываться снижение значимости нехватки материальных благ и на первый план выходит идентификация себя с особыми стилями жизни, которые считаются престижными, поэтому притязания ускоренно повышаются в сравнении с ростом фактического дохода – на 100 тыс. руб. и более ориентируется 37,1% респондентов.

Интересно сравнить с вышеприведенными данными результаты посемейного опроса отцов, матерей и подростков, проведенного в 2004 в 17 регионах сельской России. Общий доход сельской семьи в месяц 4 тыс. руб. и менее имели 40,6%, а хотели иметь 2,3%; от 5 до 10 тыс. имели 38,3%, а хотели 15,5%, 10–14 тыс. руб. имели 14,2%, а хотели 21,7%;

от 15 до 41 тыс. имели 4,7%, но хотели 56,7%; от 42 тыс. руб. до 100 тыс. руб. не имели, но хотели иметь 3,9%. Где-то на уровне 10–11 тыс. доли имеющих этот доход и желающих его уравнивали и данный рубеж между бедностью и обеспеченностью не смогли достичь 79% семей, причём в половине семей фактический доход был в 2 раза меньше [Антонов А.И., 2007, 27]. Следует напомнить, что в те годы номинация рубля была иной, как и соотношение с долларом. Для сведения по данным Госкомстата на начало 2003 года число лиц с доходом ниже прожиточного минимума 1893 руб. составляло 25% населения страны [Тихонова Н.Е., 2003, 45]. Дифференциация дохода сельских семей по расходам на питание показала, что в половине семей тратилось более двух третей бюджета. И это при том, что 90% опрошенных имели приусадебные участки. Возможно столь высокие траты на питание связаны с тем, что в выборке была завышена доля семей с 3 и более детьми, – с низким доходом на грани прожиточного минимума.

В исследовании городских семей 2019 года средние значения доходов повторяют описанную выше тенденцию: при среднем по выборке душевом доходе в 42,3 тыс. руб. притязания респондентов в три с лишним раза выше – 131,5 тыс. руб. Следует отметить, что притязания женщин на порядок скромнее мужчин, а наибольший разрыв между притязаниями и достижениями – у молодых людей, в то время как наименьший – у пожилых людей старше 50 лет (рисунок 2).

Самооценка реального дохода среди респондентов смещена в сторону обычного отнесения себя к середине оценочной шкалы – более половины респондентов сказали, что их доходы «как у

Рисунок 2. Средний фактический и средний желаемый уровень дохода в зависимости от пола и возраста, в тыс. руб.

Figure 2. Average actual and average desired income level, depending on gender and age, in thousand rubles

*Ответ на вопрос: «Каков среднемесячный доход на одного члена вашей семьи? А какой уровень душевого дохода Вас бы вполне устроил?»

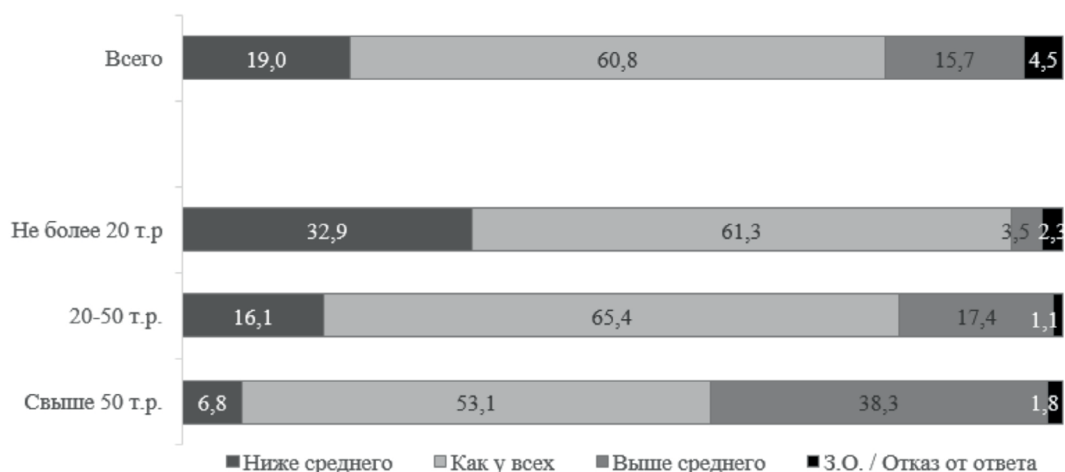

Рисунок 3. Соотношение самооценки дохода и его реальной величины, в %

Figure 3. The Ratio of Self-reported income and its Real Value, in percent

* Ответ на вопрос: «Как Вы сами думаете: к какому слою населения относится Ваша семья по уровню своих реальных доходов?»

всех» – 60,8% (рисунок 3). Оценила свои доходы ниже среднего примерно одна пятая часть опрошенных (19,0%), еще 15,7% сказали, что получают больше, чем в среднем в стране.

Сравнение самооценок дохода в зависимости от его фактической величины свидетельствует об адекватном восприятии респондентами своих доходов – так, более трети (38,3%) тех, душевой доход которых превышает 50 тыс. руб., убеждены, что их доходы «выше среднего». Еще треть опрошенных, чьи доходы менее 20 тыс. руб. (32,9%), оценивают себя как лиц с доходом «ниже среднего». Любопытно, что 6,8% респондентов с доходом более 50 тыс. руб. и с завышенной планкой притязаний считают этот уровень «ниже среднего». Люди с комплексом заниженных притязаний

воспринимают доход до 20 тысяч как приемлемый для всех (61,3%) или даже высокий (3,5%). Разумеется, цели и средства социальной политики должны быть направлены не просто на минимизацию бедности, но вести к конверсии ценностных критериев благополучия таким образом, чтобы существование в пределах прожиточного минимума не казалось нормальным.

Важным компонентом благосостояния и здорового образа жизни является питание, его качество и социокультурные особенности «пищевого поведения» как иногда говорят. Каждый второй участник исследования (49,1%) тратит на питание менее 40% общесемейного бюджета (рисунок 4), следовательно переступает условную границу бедности [Rangarajan C., Mahendra Dev. S., 2015, 70–74].

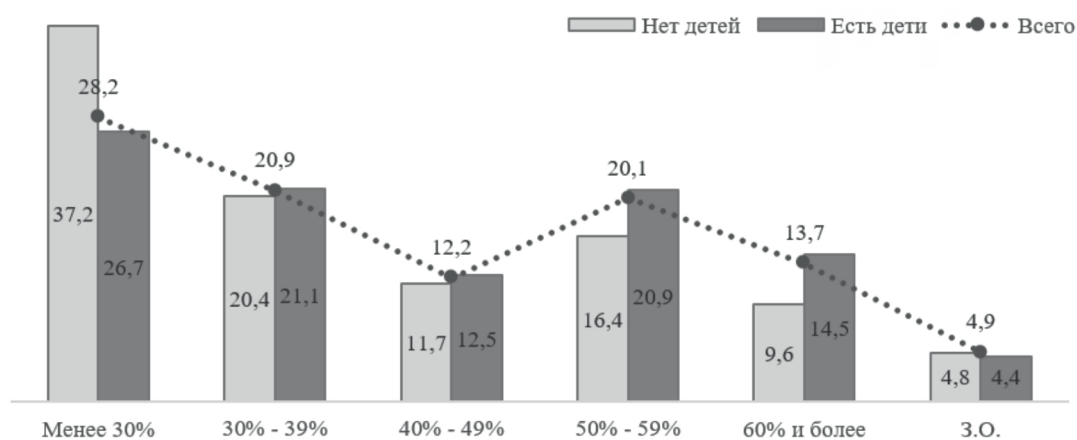

Рисунок 4. Дифференциация расходов на питание в зависимости от наличия детей, в %

Figure 4. Differentiation of Food Costs Depending on the Presence of Children, in percent

* Ответ на вопрос: «Какая доля вашего ежемесячного дохода уходит на питание?»

В представленном исследовании весома доля тех, для кого расходы на питание составляют от 40 до 60 % – это 32,3 % респондентов. Но самый неприятный факт связан с затратами, превышающими 60 % среди 13,7 % респондентов (напомним, что в посемейном опросе 2004 г. таковых было в 4,6 раза больше), где преобладают мужчины и женщины, имеющие детей (14,5 % и 9,6 % – доля бездетных), тогда как среди обеспеченных респондентов бездетных на 10,5 % больше. Сравнение затрат на питание в зависимости от пола респондентов, показывает, что женщины склонны оценивать расходы на питания выше, чем мужчины (39,7 % бюджета против 36,1 %). Значительная часть бюджета уходит на питание у людей старше 50 лет (40,2 %), где велика доля неработающих пенсионеров.

Следует отметить, что в городских исследованиях: 1430 человек («Россия-2000»), и 947 матерей (53 % с тремя и 42 % с 4 и более детьми – «Многодетная семья 2008») и «Семья с онкобольными детьми – 2010», расходы на питание были значительно больше, чем в данном опросе 2019 года. Сразу после дефолта 1998 г. в опросе «Россия-2000» каждая пятая семья тратила на питание свыше 80 % общесемейного бюджета (20,1 %), в «Многодетной семье-2008» – 17,8 % и в исследовании семей 2010 г. – 11,8 %. Тратилось на питание от 60 до 80 % семейного дохода соответственно в указанных исследованиях 38,6 % – 31,7 % – 36,7 %, от 40 % до 50 % бюджета 28,16 % – 33,2 % – 40,4 %; менее 30 % бюджета 13,27 % – 17,27 % – 11,1 % [Фамилистические исследования..., 2009, 29–35, 209–217, 360; Мониторинг демографической..., 2009, 120, 124–127, 142–151]. Таким образом распределение расходов горожан на питание хуже, чем по данным рисунка 4, особенно по тратам свыше 60 % бюджета с той оговоркой, что рост расходов на питание от 40 до 80 % в исследовании семей с онкобольными детьми объясняется переездом из регионов матерей с ребенком для длительного лечения в московском лечебном центре и увольнением матерей с места работы [Гусева М.А., Антонов А.И., 2019].

Если попытаться обобщить данные исследования СеДОЖ-2019 по тратам на питание свыше 40 % бюджета с точки зрения концепции социального неравенства, то получается убедительная картина неравенства семей с детьми в бедности [Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В., 2020, 11]. В сравнении с бездетными семьи с детьми в среднем тратят на питание 38,6 %, что на 4,5 п.п. больше (различия статистически значимы по результатам т-теста для независимых выборок $t(2334) = -3,919$, $p < 0,001$), причём расходы свыше 60 % бюджета у бездетных и однопородных – 13 %, у двухдетных – 14 %, а у трёхдетных – 21 %. По самооценке дохода «выше среднего», т.е. условно бога-

тые, тратят на питание 40–49 % бюджета – 11,9 %, в интервале 50 %–59 % – 8,3 % и более 60 % – 7,2 %, в сумме – 27,4 % «богатых» должны быть отнесены к бедным по международным стандартам. Эта цифра близка к 25,2 % тратящих на питание среди фактически обеспеченных семей с реальным душевым доходом свыше 50 тыс. руб. В этой категории респондентов действительно обеспеченными являются 47,5 %, тратящих менее 30 % бюджета и 26,2 %, тратящих 30–39 % бюджета на питание. Среди имеющих душевой доход от 20 до 50 тыс. руб. собственно бедных семей по рассматриваемому критерию – 41,2 %, и, разумеется, наибольшая доля бедных среди тех, у кого доход менее 20 тыс. руб. – 66,1 %, что намного больше средней по выборке доле 46 %.

Таким образом, чем меньше реальный доход, тем больше процент расходов на питание 45,6 % – 36,3 % – 29,7 % (менее 20 тыс. – до 50 тыс. – свыше 50 тыс.), и точно такой же тренд наблюдается и по самооценке 45,7 % – 37,8 % – 30,2 %. К сожалению, снижение душевого дохода семьи обусловлено увеличением числа детей. Соответственно, в вышеприведенной группировке по доходу наблюдается следующая детность: 1,6 – 1,3 – 1,1, и рост доли тех, кто тратит на питание свыше 40 % бюджета. Семьи с одним ребенком расходуют 36,2 % бюджета, с двумя детьми 39,3 %, с тремя и более детьми – 42,8 %. Желаемый размер дохода соответственно равен 112 112 руб. у однопородных, 96 409 руб. у двухдетных и 90 411 руб. у семей с тремя и более детьми. Полученные отличия являются статистически значимыми как при использовании однофакторного дисперсионного анализа ($F(3,2173) = 11,034$, $p < 0,001$), так и при дополнительном контроле при помощи непараметрического теста Краскелла-Уоллиса ($H(3) = 95,06$, $p < 0,001$).

Проведение более точного статистического анализа с использованием многофакторного дисперсионного анализа, учитывающего в качестве ковариаты возраст респондентов, показывает, что разница в среднем уровне как дохода, так и его желаемой величины сохраняется, что говорит о наличии независимого (от возраста) влияния числа детей на уровень благосостояния семьи. Статистические отличия в доходе подтверждаются как в случае сравнения фактического дохода ($F(3,2172) = 6,037$, $p < 0,001$), так и в случае сравнения желаемого уровня дохода ($F(3,2304) = 5,161$, $p = 0,001$) между семьями с разным числом детей, после введение поправки на возраст респондента.

Наибольшая разница между желаемым и реальным доходом наблюдается в семьях, не имеющих детей (эти респонденты желают роста своих доходов в 4,2 раза), в то время как запросы од-

нодетных родителей в разы скромнее (рост в 2,7 раза). Среди двудетных родителей необходим рост в 3,1 раза, а среди многодетных в 3,5 раз. Однако стоит учитывать, что такое увеличение обусловлено не большими запросами многодетных родителей, но большей глубиной их бедности, большим по сравнению с другими родителями снижением среднедушевого дохода, связанным с рождением детей. Стало быть, даже при почти четырехкратном росте реальных доходов многодетных их уровень по своему абсолютному значению останется ниже, чем среди семей с меньшим числом детей и будет почти вдвое (1,86 раз) меньше уровня притязаний бездетных респондентов.

Если рассмотреть семьи, дифференцированные по числу детей до 18 лет, то закономерность будет еще более заметной: 140 782 руб. для семей с одним ребенком до 18 лет, 115 075 руб. с двумя и 77506 руб. с тремя и более несовершеннолетними детьми. У многодетных родителей уровень притязаний в 2 раза ниже, чем у однодетных, т.е. фактическое положение вещей заставляет смириться с бытом «белых ворон» и если подобное неравенство интерпретировать в политическом аспекте, то поражает миролюбивость «семейных диссидентов», их склонность адаптироваться к антидетному порядку жизни посредством возведения семьедетности в первостепенную ценность жизни, путём культивирования богатства через богатство детьми и благополучие – через семейное благополучие.

Самое неприятное в этой «цифровизации» то обстоятельство, что уменьшение дохода прямо зависит от числа детей, и этот горький факт в сложившейся системе жизненных ценностей воспринимается и самим населением, и чиновниками, и корпоративной элитой как совершенно естественный. В ситуации хронически снижающейся детности семьи и преобладания семей с единственным ребенком при проводимой всеми странами вэлфера, в рамках декларирования социальным государством политики заботы о семейном благополучии, странным является *отсутствие заботы* о сохранении при рождении очередного ребенка предыдущего душевого дохода.

Коли депопуляционная убыль населения делает дефицитным воспроизводство новых поколений через деторождение, было бы разумным не «стимулировать рождаемость» посредством весьма скромных пособий на детей, а компенсировать снижение дохода при рождении каждого ребенка в тех семьях, *которые балансируют на грани бедности*. Эта цель переориентации социальной политики с заботы о минимальной зарплате работника, о прожиточном минимуме индивида на заботу о семье с детьми, о поддержке минимально

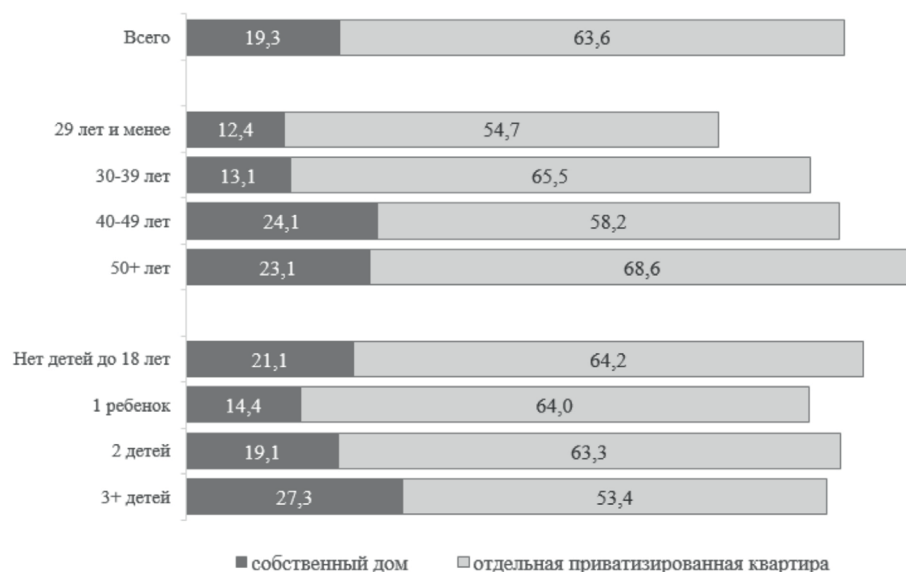
необходимого душевого дохода семьи при рождении детей, может и должна стать стержневой, поскольку полностью, а не частично (как пособия на детей) устраняет экономическую (монетарную) невыгодность обзаведения детьми в полной семье с двумя работающими по найму родителями.

Для семейного благополучия важно устройство семейного жилища, таковым является наличие собственного дома или квартиры с несколькими комнатами (спальнями) и подсобными помещениями в городских домах, специально спланированных в соответствии с технологией семейно-детного быта родителей и детей. К сожалению, современное жилищное строительство ориентировано не на полноценное функционирование семьи с несколькими детьми и преследует сугубо коммерческие цели. С советских времен до сегодняшних дней планировка городского расселения и семейных квартир не учитывают требований фамилистики и демографии. Фактически современное многоэтажное строительство в городах обслуживается ориентированными на прибыль архитекторами и проектировщиками, самонадеянно берущими на себя «научное обоснование» быта людей, редуцируемого к удобствам одиночного холостяцкого существования. Подобная практика десятилетиями закрепляет внесемейный стиль жизни с массовым распространением малодетности.

В нашем исследовании городских семей преобладает семья с одним-двумя детьми наряду с небольшой долей бездетных и семей более чем с тремя детьми. Большинство респондентов проживает в приватизированных квартирах (63,6%) и 19,3% в собственных домах (рисунок 5). В неприватизированных квартирах живут 5,0% опрошенных и 5,9% не имеют собственного жилья и снимают квартиру или комнату. В 3,8% случаев были названы другие варианты жилья, такие как служебная квартира, коммунальная квартира, проживание совместно с родителями. Обеспеченность собственным жильём практически не зависит от детности опрошенных, однако с ростом числа детей увеличивается доля тех, кто проживает в собственном доме, а не в приватизированной квартире (от 14,4% среди однодетных до 27,3% среди трёхдетных).

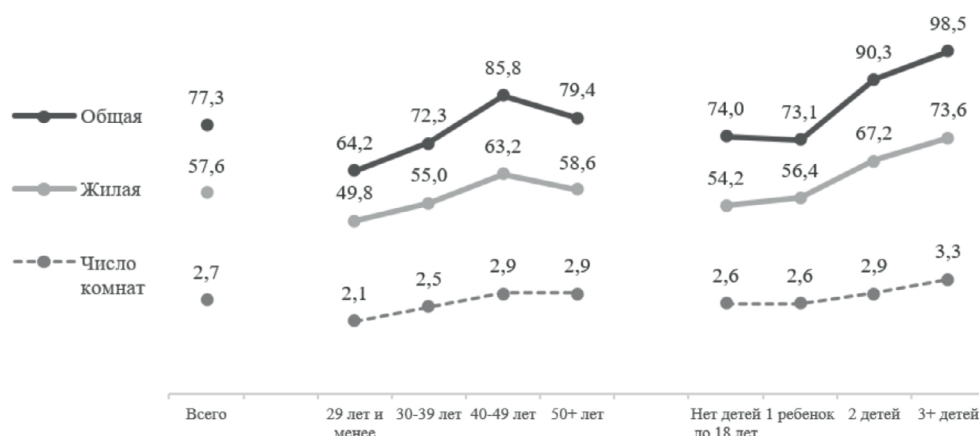
В среднем семьи респондентов проживают в жильё с общей площадью 77,3 квадратных метров, из которых 57,6 метров приходится на жилую площадь. Среднее число комнат составляет 2,7 (рисунок 6). Те же тенденции характерны для людей старшего возраста и тех, кто имеет детей до 18 лет.

Самым большим по площади жильём обладают респонденты в возрасте от 40 до 49 лет – это чаще трёхкомнатные квартиры или дома со сред-

Рисунок 5. Жилищные условия – место проживания в зависимости от возраста и числа детей до 18 лет, в %
 Figure 5. Housing Conditions – Place of Residence Depending on the Age and Number of Children Under 18, %

*Ответ на вопрос: «Каковы ваши жилищные условия?»

Рисунок 6. Среднее значение общей и жилой площади в зависимости от возраста и числа детей, в кв. метрах

Figure 6. Average Value of Total and Living Space, Depending on the Age and Number of Children, in Square Meters

Ответ на вопрос: «Укажите, пожалуйста, размер Вашего жилья и число комнат, занимаемых Вашей семьей?»

ним числом комнат 2,9 и жилой площадью 63,2 м². Большинство респондентов в целом удовлетворены своими жилищными условиями (68,0%), в то же время более четверти опрошенных напротив выразили свою неудовлетворённость (27,4%) (рисунок 7). Среди тех, у кого трое и более несовершеннолетних детей, недовольных оказалось более 50% (51,3%), возможно, в связи со снижением числа комнат на члена семьи до 0,66 в семьях с несколькими детьми по сравнению с одноподдетными супругами (0,85). К тому же следует учесть, что нынешний среднестатистический норматив минимальной жилищной площади в три раза меньше, предпочитаемого респондентами (28,2 м²).

Обычно в социологических исследованиях качества жизни и удовлетворённости благополучием учитывается воздействие уровня дохода наряду с другими факторами. В нашем исследовании влияние приемлемого дохода на семейное благополучие оказалось значимее, чем положение в обществе, вера в бога, поиски смысла жизни (см. рисунок 8), но гораздо менее влияющим в сравнении с лидирующим фактором супружеских взаимоотношений (91%). На втором месте в сложившейся иерархии оказались «отношения с детьми» (свыше 70%), причём респонденты с более низкой самооценкой дохода чаще присваивают данному параметру высочайшую оценку (81,6%) в сравне-

нии с группами более обеспеченных (среди самооценок «как у всех» и «выше среднего» таковых оказалось по 73%).

Далее, 43,4% респондентов с заработком, не превышающим 20 тысяч рублей, отметили, что наличие собственности оказывает очень сильное влияние на благополучие внутри семьи, среди обеспеченных респондентов подобного мнения придерживается каждый пятый опрошенный (24,3%). О значимости приемлемого уровня дохода в поддержании семейного благополучия заявило на 20% больше респондентов с низким заработком (20 тысяч и менее) (52,7% против 32,7%). Они же в 2,5 раза выше оценили «положение в

обществе» (24,9% против 9,6%), а также «веру в Бога» (22,7% против 11,1%) и «поиски смысла жизни» (19,8% против 9,5%).

Состоящие в зарегистрированном браке, более склонны считать семейно-детный образ жизни составной частью общего понятия «благополучие», в сравнении с мужчинами и женщинами, находящимися в сожительстве, в так называемом «незарегистрированном браке» (89,6% против 82%). Различие не очень велико, но статистически значимо. Подавляющее большинство участников исследования (88,9%) считает, что благополучие не редуцируется к деньгам и доходу, включая в себя семейно-детный образ жизни, хотя 8,7% ду-

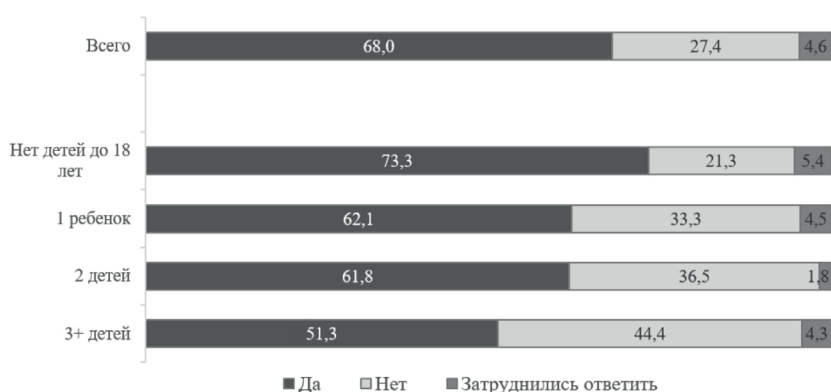

Рисунок 7. Удовлетворённость жилищными условиями в зависимости от числа детей, в %
Figure 7. Satisfaction With Housing Conditions Depending on the Number of Children, in percent

*Ответ на вопрос: «Удовлетворены ли Вы своими жилищными условиями?»

Рисунок 8. Факторы, влияющие на семейное благополучие, в %
Figure 8. Factors Affecting Family Well-Being, in percent

*Ответ на вопрос: «Что влияет на семейное благополучие больше всего?»

мают иначе. Мнения мужчин и женщин по этому вопросу практически не различаются, однако наблюдается возрастная дифференциация. Чаще всего разделяют эту точку зрения респонденты старше 50 лет (93%), реже всего – молодежь до 29 лет (80,0%). Занятые несколько реже увязывают благополучие с семейно-детным образом жизни, чем незанятые (88,2% против 92,3%), москвичи – чем жители других регионов (87,2% против 90,1%), нерелигиозные, чем религиозные (83,5% против 90,6%), респонденты со среднедушевым доходом свыше 50 тысяч рублей в месяц, чем имеющие доход менее 20 тысяч рублей (83% против 91,8%). Все названные межгрупповые различия статистически значимы.

В завершение надо сказать, что социально значимым является превышение желаемого дохода над реальным, тогда как противоположное соотношение весьма негативно характеризует положение семьи с несколькими детьми – доля семей с 3 и более детьми и с душевым доходом ниже прожиточного минимума в 2,5 раза больше по сравнению с однодетными семьями. Соотношение желаемого и реального дохода очень важно в социолого-демографическом смысле – чем больше разрыв между ними (за пределом трехкратного превышения), тем меньше репродуктивные ориентации. Так у респондентов старше 50 лет желаемый душевой доход в 2,3 раза больше реального (90,2 тыс. руб. и 38,1 тыс. руб.), а среднее желаемое число детей при всех необходимых условиях 2,8 детей. Тогда как у респондентов от 30 до 39 лет желаемый доход в 3,2 раза больше фактического (169,2 тыс. руб. и 51,8 тыс. руб.), но желаемая детность 2,7 детей. Наименьшее желаемое число детей 2,28 отмечено у молодых людей моложе 29 лет с желаемым доходом в 4,9 раз большим, чем реальный (203,8 и 43,1 тысяч рублей соответственно). В уже упоминавшемся исследовании сельских семей с разным стажем брака, возрастом супругов и др., те же тенденции – при среднем по выборке желаемом числе детей 2,39 его повышение на 0,17 оказывается возможным при превышении желаемого дохода над реальным не более чем в 3 раза. Однако при росте перевеса уровня притязаний над фактическим в 5 раз желаемое число детей становится ниже среднего индекса на 0,11. (Мониторинг демографической..., 2009, 145–146). Вот конкретное действие социально-символического механизма обратной связи между рождаемостью и достатком – эффективно работает на повышение желаемого числа детей и на более полную его реализацию лишь повышение дохода в 1,5–2,5 раза по сравнению с имеющимся уровнем.

Выводы

Следует подчеркнуть ограниченную роль материальных мер в воздействии на репродуктивные ориентации, так как теоретически возможное повышение желаемого числа детей до 2,8 недостаточно для обеспечения уровня простого воспроизводства населения (СКР 2.1). В последние годы роста коэффициентов рождаемости до 2016 г. желаемое число варьировало в пределах 2,5–2,8 и сопровождалось колебаниями ожидаемого числа 1,8–2,0, что дало его реализацию в суммарном коэффициенте рождаемости 1,78. Следовательно, при выдвигании цели достижения нормативного уровня СКР 2.1 (и значит желаемого числа 3,5–3,7, и ожидаемого числа 2,4–2,6) в рамках семейно-демографической политики по усилению потребности семьи в 3–4 детях понадобятся меры внеэкономического воздействия по упрочению ценностно-ориентационного единения семьи как социального института, равного другим институтам по суверенности, и меры сплочения семьи как социально-психологической группы устойчивой на протяжении жизненного цикла семьи.

И в заключение еще несколько цифр. В исследовании 1976 года семантическая дистанция между объектами оценки «дети» и «бездетность» по методу семантического дифференциала (СД) была близкой к максимальной величине различия (14,7) и составила 14,39. Через 25 лет в исследовании «Россия-2000» значение СД резко снизилось до 8,60 и продолжало снижаться, достигнув в 2015 году 8,39, [Семейно-детный образ..., 2018, 139], в 2019 году значение показателя варьировалось в пределах 8,22–8,09 в зависимости от дохода (по 5 шкалам СД) при колебаниях от 8,83 при низкой самооценке дохода до 7,76 при средней и 7,62 высокой самооценке. По двум сопоставимым шкалам (и максимальном различии 8,48) в 2019 г. сближение оценок «дети» и «бездетность», в связи с одобрением бездетности и снижением ценности детей вообще, составило 4,44, тогда как в 2000 г. было 5,06, а в 1976 г. 6,73.

Данный тренд свидетельствует о радикальном изменении массового сознания семейного населения, причём парный опрос супругов выявил доли совпадения установок мужей и жён, хотя различие и нетранзитивность мнений образует значимый потенциал детности, который может быть реализован при умелой активизации семейно-демографической политики на основе предвзвешенной социальной политики, учитывающей сложное влияние роста реальных и желаемых доходов на репродуктивное поведение семьи [См. подробнее: Сходство и различие..., 2021, 54, 83].

Список литературы

- Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. М.: Изд. дом Ключ-С, 2007. 234 с.
- Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
- Гусева М.А., Антонов А.И. Диспозиционная регуляция репродуктивного и самосохранительного поведения в нетипичных семьях с больным ребенком // Социальные аспекты здоровья населения (электронный журнал), 2019. № 65(1). DOI: 10.21045/2071-5021-2019-65-1-2
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В. Актуальность разработки национальной Программы повышения доходов, снижения бедности и неравенства // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том. 16. № 2. С. 9–24. DOI: 10.19181/lsprg/2020.16.2.1
- Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: 1897–2007. М.: NOTA BENE, 2007. 752 с.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. №2. С. 61–68.
- Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденций ее изменения / науч. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ. 2008. 301 с.
- Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования / под ред. А.И. Антонова. М.: Инфра-М, 2018. 540 с.
- Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива / Под ред. В. Воронкова, М. Соколова; пер.с нем. К. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2008. 160 с.
- Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов / под ред. А.И. Антонова. М.: «Перо», 2021. 240 с.
- Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. 408 с.
- Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе / отв. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ, 2009. 280 с.
- Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / под ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. 486 с.
- Carletto C., Zezza A., Banerjee R. Towards better measurement of household food security: Harmonizing indicators and the role of household surveys // *Global Food Security*. 2013. Vol. 2. Issue 1. P. 30-40 DOI: 10.1016/j.gfs.2012.11.006
- Rangarajan C., Mahendra Dev. S. Counting the Poor: Measurement and Other Issues. *Economic and Political Weekly* 50, no. 2, 2015. PP. 70-74. DOI: 10.2307/24481307
- Sheskin D.J. Handbook of Parametric and Nonparametric Statistical Procedures: Third Edition (3rd ed.). Chapman and Hall/CRC, 2003. DOI: 10.1201/9781420036268

Заявленный вклад авторов:

Антонов А.И. – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Карпова В.М. – сбор, обработка и анализ данных, критический анализ литературы, анализ результатов исследования.

Ляликова С.В. – сбор, анализ данных и результатов исследования, критический анализ литературы, графическое представление данных.

Authors' declared contribution:

Antonov A.I. – statement of the problem, development of the concept of the article, analysis of research results, formulation of research conclusions.

Karpova V.M. – collection, processing and analysis of data, critical analysis of literature, analysis of research results.

Lyalikova S.V. – collection, analysis of data and research results, critical analysis of literature, graphical presentation of data.

References

- Antonov A.I. *Semeyniy obraz zhizni v selskoy Rossii* [Family lifestyle in rural Russia]. M.: Izd. dom Klyuch-S, 2007. – 234 s. ISBN 978-5-93136-033-1 (In Russ.).
- Arhangelskiy V.N. Faktoryi rozhdaemosti [Fertility factors]. M.: TEIS, 2006. 399 p. ISBN 5-7218-9743-1 (In Russ.).
- Guseva M.A., Antonov A.I. Dispositional regulation of reproductive and self-preserving behaviour in atypical families with a sick child. *Social'nye aspekty zdorov'a naseleni. Social aspects of population health* [online series]. 2019. 65(1). DOI: 10.21045/2071-5021-2019-65-1-2 (In Russ.).
- Bobkov V.N., Odintsova Y.V., Bobkov N.V. Relevance of Developing a National Programme to Increase Income, Reduce Poverty and Inequality. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020. Vol. 16. No.2. P. 9-24. DOI: 10.19181/lsprg/2020.16.2.1 (In Russ.).
- Borisov V.A. Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii: 1897-2007. [Demographic disorganization of Russia: 1897-2007] M.: NOTA BENE. 2007. 752 p. (In Russ.).
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. The share of food in total consumption of the population of Russian regions as an indicator of the standard of living and consumption modernization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2019. No.2. P. 61-68. (In Russ.).
- Monitoring demograficheskoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii i tendentsiy ee izmeneniya [Monitoring the demographic situation in the Russian Federation and trends in its change] / nauch. red. A.I. Antonov. M.: KDU. 2008. – 301 p. ISBN 978-5-98227-545-5 (In Russ.).
- Family-child lifestyle: results of a socio-demographic study under general editorship of A.I. Antonov. M.: INFRA-M, 2018. 540 p. DOI: 10.12737/monography_5c0f6266dcb8e1.84482306
- Sotsialnoe neravenstvo. *Izmeneniya v sotsialnoy strukture: evropeyskaya perspektiva* [Social inequality. Changes in social structure: a European perspective] / Pod red. V. Voronkova, M. Sokolova; pers nem. K. Timofeevov. SPb.: Aleteyya. 2008. 160 p. (In Russ.).
- Similarity and difference in the value orientations of husbands and wives based on the results of a simultaneous spouses survey / ed. A.I. Antonov. M.: Publishing house "Pero", 2021. – 240 p.
- Tihonova N.E. *Fenomen gorodskoy bednosti v sovremennoy Rossii* [The phenomenon of urban poverty in modern Russia]. M.: Letniy sad, 2003. – 408 s. (In Russ.).
- Familisticheskiye issledovaniya [Familistic Studies]. Vol.2. Million mneniy o sem'ye i o sebe [Million Opinions about Family and about Themselves]. Ed. A.I. Antonov. Moscow, 2009. 380 p. (in Russ.).
- The family-child lifestyle values (SeDOJ–2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study. Moscow. MSU. Faculty of Sociology / under general editorship of Antonov A.I. M.: MAKS Press. 2020. 486 p. (in Russ.).
- Carletto C., Zezza A., Banerjee R. Towards better measurement of household food security: Harmonizing indicators and the role of household surveys, *Global Food Security*, Vol. 2, Issue 1, 2013. P. 30-40. DOI: 10.1016/j.gfs.2012.11.006
- Rangarajan C., Mahendra Dev. S. Counting the Poor: Measurement and Other Issues. *Economic and Political Weekly* 50, no. 2, 2015. PP. 70-74. DOI: 10.2307/24481307
- Sheskin D.J. Handbook of Parametric and Nonparametric Statistical Procedures: Third Edition (3rd ed.). Chapman and Hall/CRC, 2003. DOI: 10.1201/9781420036268